

**В.А. Бармин,
С.В. Дмитриев**
при участии **В.Г. Шматова***

Синьцзян: очерк истории региона

АННОТАЦИЯ: Статья представляет собой попытку краткого, но при этом максимально структурированного изложения истории Восточного Туркестана — региона, который, несмотря на чрезвычайно насыщенное прошлое, к сожалению, привлекает сравнительно малое внимание учёных. Авторы полагают, что данный очерк может быть полезен для формирования у заинтересованного читателя общей картины истории региона.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Синьцзян, Центральная Азия, уйгуры, Туркестан.

Поводом для создания данной статьи стал заказ редакции Большой российской энциклопедии на статью об истории Синьцзяна. Получившийся текст ожидаемо превысил все разумные рамки энциклопедической статьи, при том, с чем автор не мог смириться не из любви к объёмам, а из-за того, что, насколько нам известно, на русском языке (равно как и на английском или китайском), как оказалось,

* Бармин Валерий Анатольевич, д.и.н., проф., заведующий кафедрой всеобщей истории Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул);

Дмитриев Сергей Викторович, к.и.н., с.н.с. Отдела Китая Института востоковедения РАН, доцент кафедры истории Китая ИСАА МГУ, доцент УНЦ «Философия Востока» Философского факультета РГГУ;

Шматов Василий Геннадьевич, преподаватель Алтайского колледжа промышленных технологий и бизнеса.

Авторы благодарят Олега Вадимовича Зотова за прочтение рукописи и ценнейшие замечания.

не существует краткого, взвешенного и простого в работе очерка истории Восточного Туркестана¹ — и поэтому зачастую даже люди, интересующиеся этим регионом, не вполне представляют себе основные линии его истории на всём протяжении оной. Нам думается, что эта лакуна должна быть заполнена; именно это соображение стало причиной нашего решения опубликовать полную версию статьи в виде отдельной публикации.

Мы просим читателя принять во внимание, что данный текст вырос из энциклопедической статьи «Синьцзян», и потому именно это наименование региона встречается здесь наиболее часто, что вовсе не означает, что автор предпочитает это название другим — наоборот, мы полагаем, что это название может без оговорок использоваться только в случаях, когда речь идёт об истории Синьцзяна после завоевания региона Китаем и создания одноимённой провинции — и даже в этом случае необходимо осознавать, что это термин сугубо внешнего, колониального происхождения. Впрочем, крайняя негомогенность региона, о которой мы говорим в нашей статье, делает вообще затруднительным его наименование посредством одного термина. В сущности, все существующие объединяющие термины, во-первых, не вполне точны, а во-вторых, так же, как и термин «Синьцзян», не являются анахронизмами лишь в приложении к той или иной конкретной исторической эпохе (это относится и к наименованиям отдельных частей региона).

Мы от всей души надеемся, что данный очерк будет не только полезен в качестве справочного материала, но и сможет способствовать изучению Восточного Туркестана — интереснейшего региона, который, увы, не может похвастаться чрезмерным интересом к своей долгой и бурной истории.

Синьцзян 新疆 (кит. Новая граница, Новый рубеж) — административная единица в составе КНР (Синьцзян-Уйгурский автономный район, *Синьцзян-Вэйуэр цыгъжи-цюй* 新疆維吾爾自治區; Shīnjiāng Uyghur Aptonom Rayonı), а также одно из наименований центральноазиатского региона Восточный Туркестан (также — Китайский Туркестан, Уйгуристан). Общая площадь — ок. 1,6 млн. км². Географически и исторически состоит из двух весьма различных регионов — Таримской впадины, представляющей собой пустыню Такла-Макан в окружении оазисов, с юга ограниченных горной системой Куньлунь,

¹ Исключением могло бы считаться следующее издание: *Анисимова И.В., Бармин В.А., Лысенко Ю.А., Старцев А.В.* История Синьцзяна: учебное пособие. Барнаул: АЗБУКА, 2012, но оно, увы, совершенно недоступно широкой публике из-за крайне малого тиража.

а с севера — Тяньшанем, и степей к северу от Тяньшаня — Джунгарской равнины, с северо-востока ограниченной Алтаем, к которой примыкает юго-восточная часть Семиречья. Разница природных условий двух частей Синьцзяна обусловила и разницу путей их исторического развития — оазисы вокруг Такла-Макана (Западный край (Си-юй 西域), Кашгария, Малая Бухария, Альтишар²) издревле представляли собой небольшие земледельческие государства, получавшие немалые выгоды от проходящих через них торговых путей (значительные расстояния между практически изолированными оазисами обуславливали значительные культурные и этнические различия среди жителей; в то же время нахождение на торговых трассах порой делало неизбежным крайне активный культурный обмен), а степи Джунгарии были частью Великой степи и потому — местом обитания кочевых скотоводов. Взаимодействие двух укладов, мирное и военное, определило многие особенности истории региона. При этом не стоит упускать из виду, что исторически южная, оазисная часть Восточного Туркестана, тяготела к Средней Азии (Самарканду, Бухаре, Коканду), а степная — к соседним кочевым регионам Великой Степи (Западной Монголии, Семиречью). Восприятие Синьцзяна в качестве единого региона в значительной степени обусловлено его включением в состав Китая; впрочем, последние столетия, когда Кашгария и Джунгария оказались поневоле объединены под властью Пекина, привели к значительному взаимопроникновению населения двух частей региона, до того связанных не столь сильно.

Археологически Синьцзян пока изучен совершенно недостаточно, хотя в последнее время, благодаря чрезвычайно быстрому развитию археологии в КНР, ситуация улучшается. Судя по всему, из-за не слишком благоприятного климата, Синьцзян не относился к числу наиболее заселённых древними людьми мест, хотя не исключено, что именно через Синьцзян около 50–40 тыс. лет назад в Восточную Азию пришли люди современного вида (*Homo sapiens*). В ряде районов Синьцзяна (в основном приграничных, преимущественно на севере) археологами были обнаружены следы верхнепалеолитической индустрии — но уверенно датировать их пока крайне затруднительно. Несколько более обильные и хорошо датирующиеся находки связаны с периодом неолита и относятся к сер. III тыс. до н.э.: они сделаны преимущественно в южной части Синьцзяна. Тогдашние

² Термин Альтишар — «Шесть городов» иногда используется для обозначения всех оазисов бассейна Тарима, но исторически в эту группу (в разных вариантах) объединялись крупнейшие оазисы западнее Турфана (Кашгар, Яркенд, Аксу, Турфан, Куча и др.).

жители региона были прежде всего охотниками и скотоводами. Интересным источником по дописьменному периоду истории Синьцзяна являются нередко находимые археологами мумифицированные тела — древнейшее из них датировано 1800 г. до н.э. Судя по этим находкам, население региона в это время было европеоидным и генетически родственным тогдашнему населению долины Инда и южной Сибири. Первые монголоиды появляются в Синьцзяне в I тыс. до н.э., но вплоть до I тыс. н.э. население оазисов оставалось по преимуществу европеоидным — следы этого заметны и во внешности современных жителей Синьцзяна. Судя по всему, на рубеже II и I тыс. до н.э. в регионе произошло сильное изменение климата — многие пригодные для земледелия районы превратились в пустыни; значительный процент населения (особенно в северных районах Синьцзяна) перешёл к кочевому скотоводству.

Уже к концу II тыс. до н.э. регион имел определённые торговые связи с Китаем — из бассейна Тарима (прежде всего, района Хотана) поступал высоко ценимый древними китайцами нефрит. К сер. I тыс. до н.э. относятся первые сообщения кит. источников о населении восточного Синьцзяна — китайцы называли их *юэчжи* (др. кит. уат'де); в бактрийских и греческих источниках они, кажется, именуются тохарами³. Ок. 176 г. до н.э. юэчжи, населявшие восток региона

³ Тохары и их взаимоотношения с юэчжи представляют собой довольно запутанную проблему. Тохарами (или псевдотохарами) принято называть ряд оседлых народностей, населявших оазисы к северу от пустыни Такла-Макан до третьей четверти I тыс. н.э. В начале XX в. в Турфане, Куче (Кучаре) и Тумшукэ было найдено некоторое количество манускриптов VI–VIII вв. н.э., написанных (алфавитом брахми) на двух близкородственных индоевропейских языках. Определение «тохарских» для этих языков было предложено в 1907 г. Фридрихом Мюллером, который предположил, что это язык народа, упоминающегося в греческих (тохариои) и китайских (тухоло, др. кит. тухва'ла) источниках. Это определение, прижившееся в науке, оказалось не вполне верным — в действительности тохарами, кажется, именовались кочевники, до II в. до н.э. населявшие запад совр. пров. Ганьсу, а затем под давлением сюнну ушедшие на запад, где в итоге в I в. н.э. ими была основана Кушанская империя на терр. совр. Афганистана и Сев. Индии; позднее там существовала историческая область Тохаристан. Китайские источники называли этих кочевников юэчжи (др. кит. уат'де). Не вполне известно, на каком языке юэчжи говорили у себя на родине, но после переселения на запад они использовали бактрийский — язык восточноиранской группы, довольно далёкий от тохарских языков и никогда не контактировавший с ними непосредственно. Ряд свидетельств, впрочем, указывает, что соседи тохаров также иногда смешивали их с создателями Кушанской империи (в

и территорию современной провинции Ганьсу были разбиты сюнну и вынуждены покинуть свои родные места, откочевав на северо-запад. Они поселились на северо-западе Синьцзяна, в долине р. Или, изгнав оттуда скифов сака. Ок. 132 г. до н.э. они двинулись оттуда на юго-запад, поселившись на северном берегу Амударьи и ок. 124 г. уничтожили Греко-Бактрийское царство и заняли его земли: в конце I в. до н.э. эти территории стали центром основанной юэчжи Кушанской империи.

Вскоре после ухода юэчжи на восточные границы Синьцзяна вышла китайская империя Западная Хань, которой в 20-х гг. II в. до н.э. удалось разгромить сюнну и занять стратегически важные земли современной провинции Ганьсу (Хэсиский коридор). Самоотверженное посольство Чжан Цяня (138–125), отправленного к юэчжи с целью убедить их стать союзниками Хань в борьбе с сюнну, не достигло успеха, но побывав в Средней Азии, Чжан Цянь обратил внимание, насколько известен и дорог там китайский шёлк (тогда шёлк умели изготавливать только в Китае). Шёлк попадал на среднеазиатские рынки от сюнну, в течение десятилетий получавших шёлк от

одном из санскритских текстов язык Тохарский В именуется токариках). Сами тохары в Кучаре, где бытовал т.н. Тохарский В, видимо, называли себя куши — по названию оазиса. Возможно, в турфанских текстах на Тохарском А тохары именуют себя арши. Одним из самоназваний, кажется, также было акни («живущие на границе»). Будучи самыми восточными из индоевропейских языков, тохарские языки не принадлежат к восточной группе сатем и обнаруживают немало сходства с архаичными индоевропейскими языками, такими как лувийский, анатолийский, италийский, кельтский. Это говорит о том, что тохарские языки очень рано отделились от других индоевропейских языков и долго находились в изоляции. Многие учёные связывают приход тохаров в Синьцзян с южносибирской афанасьевской культурой (III–II тыс. до н.э.). Возможно, именно с тохарами связаны т.н. таримские мумии — обнаруженные в восточной и южной части мумифицированные тела, древнейшее из которых датируется 1800 г. до н.э., антропологический и генетический анализ которых показал их несомненное родство с индоевропейцами. Также с тохарами принято ассоциировать ряд изображений европеоидов в настенных росписях буддийских монастырей региона. Следы тохарского влияния заметны в древнетюркском языке, а также в пракрите Крорайны — государства на востоке Синьцзяна, близ оз. Лобнор. Тохары были типичным народом зоны Великого Шёлкового пути и сыграли немалую роль в культурном обмене между Китаем и Центральной Азией. Ок. I в. н.э. тохары, благодаря усилиям кушанских проповедников, приняли буддизм и сыграли немалую роль в его дальнейшем распространении. В VIII–IX вв. были ассимилированы пришедшими в регион тюрками — басмылами и уйгурами.

Китая в качестве дани. Империя Хань узнала о существовании торгового пути, по которому шёлк поступал из Китая в Среднюю Азию, а оттуда на Ближний и Средний Восток и в Средиземноморье — т.н. Великого Шёлкового пути — и начала попытки овладеть им. Восточный отрезок Пути проходил через оазисы вокруг пустыни Такла-Макан, и контроль за этими землями обещал немалые выгоды. В 60 г. до н.э. Зап. Хань вытеснила из оазисов Синьцзяна сюнну и установила здесь Протекторат Западного края (*Си-юй духу-фу* 西域都護府). Впрочем, опека Китая не была слишком навязчива, т.к. возможностей для размещения китайских войск в бедных ресурсами оазисах не было и генерал-протектор (*духу* 都護) вынужден был в своей деятельности опираться на поддержку городов-оазисов, используя в интересах Китая противоречия между ними. После падения в начале I в. н.э. империи Западной Хань влияние Китая в регионе резко снизилось, наместничество было восстановлено только в конце I в. н.э., в немалой степени благодаря везению и таланту Бань Чао 班超 (32–102), который практически в одиночку сумел вернуть регион под протекторат Китая и едва ли не самовластно правил им почти до самой своей смерти.

Благодаря крайне выгодной шёлковой торговле, города региона быстро стали чрезвычайно оживлёнными торговыми центрами, в них шёл активный культурный обмен. В I–II вв. н.э. в оазисы приходит и укрепляется буддизм, о чём долгом присутствии в регионе свидетельствуют многочисленные буддийские монастыри и храмы, чьи руины дошли до наших дней. Отсюда буддийские проповедники не позднее середины II в. н.э. проникают в Китай. В культурном и этническом плане города-оазисы в это время тяготеют преимущественно к Средней Азии (Согдиане и Бактриане) и Северной Индии⁴. Население говорило на т.н. тохарских языках, очень рано отделившихся от прочих языков индоевропейской семьи, различных сакских языках индоиранской группы, санскрите, пракрите, немалое распространение имели китайский и тибетский. Крупнейшими государствами-оазисами этой эпохи были Иу 伊吾 (Хами (Комул, Камил)), Цзюйши (Чэши) 車師 (Турфан и Бешбалык), Яньци 焉耆 (Карашар), Цюцы 龜茲 (Куча (Кучар)), Шулэ 疏勒 (Кашгар), Шачэ 莎車 (Яркенд), Юйтянь 于闐 (Хотан), Юйми (Керия), Крорайна (Лолуань 樓蘭) (Черчен, Пичан и Лобнор) и др.

⁴ Большинство письменностей, бытовавших в регионе в I тыс. н.э. были основаны на индийской (брахми, кхарошти) или ближневосточной (согдийское письмо) традиции.

В 220 г. пала империя Восточная Хань и Китай вошёл в длительный период раздробленности. Ещё за полвека до этого Китай практически потерял контроль над Синьцзяном, оазисы региона были либо предоставлены сами себе, либо попали под влияние кочевников. Объёмы шёлковой торговли резко упали, что негативно сказалось на экономике региона. В конце V в. Синьцзян стал частью Жужаньского каганата, в начале VI в. — Тюркского. Вчерашние кочевники-тюрки начали оседать в по преимуществу тохароязычных оазисах, постепенно меняя языковую картину в регионе.

В конце VI в. Китай вновь объединился под властью империй Суй и (несколько позднее) Тан и обратил своё внимание на Синьцзян. В середине VII в. территория региона вошла в состав т.н. Протектората умиротворённого Запада (*Аньси духу-фу* 安西都護府) в составе империи Тан. В восточной части Синьцзяна (Турфан, Комул) резко возросло количество китайского населения и влияние китайской культуры. Снова активизировалась шёлковая торговля, особую роль в которой играли согдийцы, чьи торговые колонии появились на всём протяжении Великого Шёлкового Пути от Согдианы до столицы империи Тан Чанъани. В юго-западной части Синьцзяна власть Китая оспаривала Тибетская империя, которой в последней четверти VII в. удалось подчинить своей власти Кашгар. В танское время по Великому Шёлковому Пути в Китай пришли популярное среди согдийцев манихейство и христианство (несторианского толка). Караваны впервые принесли в Китай виноград и вино, гранаты, чеснок, кунжут, огурцы, грецкие орехи и т.п.; они же впервые познакомили Запад с китайским имбирём, чаем, бумагой, фарфором, лаковыми изделиями. На улицах танской столицы Чанъани можно было встретить не только купцов, но и актёров, фокусников и танцовщиц из самых разных стран — именно в это время китайская музыкальная культура подверглась сильнейшему персидскому и центральноазиатскому влиянию. Контакты с Западом не были редкостью и потом, но никогда, пожалуй, Китай не был столь открыт для внешних влияний, как в этот золотой век Великого Шёлкового пути.

Большое влияние на судьбу Синьцзяна оказала битва при р. Талас (751), в которой китайские войска были разбиты арабами, а также восстание Ань Лу-шаня 安祿山 (755–763), которое подорвало мощь империи Тан и заставило китайцев уйти из оазисов Синьцзяна. Им на смену пришёл Уйгурский каганат, который в течение десятилетий оспаривал различные части региона у Тибетской империи. Под властью уйгуров усилился приток тюрков в оазисы — в Турфане обосновываются басмылы, в западных оазисах — карлуки. В 840 г. Уйгурский каганат был уничтожен енисейскими киргизами, значительная

часть уйгуров нашла прибежище в Турфане, где сформировалось Турфанское уйгурское княжество, удачно совмещавшее опыт оазисного земледелия и караванной торговли с сохранением кочевых традиций. На западе Синьцзяна сформировался Карлукский каганат (впоследствии — государство Караханидов), в сер. X в. карлуки первыми из тюрков приняли ислам. С этого момента начинается история постепенного вытеснения буддизма из региона — один за другим, начиная с Кашгара, города-оазисы становятся мусульманскими. Последним ок. XV в. пал Турфан.

В 1134 г. на севере Синьцзяна, в степях Джунгарии, сформировалось государство кара-китаев (Западное Ляо, Си-Ляо 西遼), основу которого составили кидани, бежавшие из Северного Китая и Маньчжурии после разгрома киданьской империи Ляо чжурчжэнями. Кара-китайские гурханы поддерживали угасающее влияние буддизма и установили свой протекторат над оазисами юга Синьцзяна. В начале XIII в. Синьцзян стал частью Монгольской империи — в 1209 г. вассалом Чингис-хана (1162–1227, великий хан с 1206) признал себя уйгурский правитель Турфана, в 1211 г. — карлуки; в 1218 г. под контроль монголов попадают земли кара-китаев, которые становятся основным плацдармом для атаки монголов на Среднюю Азию.

После смерти Чингис-хана земли Синьцзяна в основном стали частью улуса его второго сына — Чагатая (1185–1242). В 1264 г., после того, как на престоле великих ханов потомков Угэдэя (1186–1241, великий хан с 1229) сменили потомки Тулуя (1192–1232), чагатайский улус расширился за счёт многих земель Средней Азии (до того входивших в улус Угэдэя), но центр его остался в г. Алмалык в долине Или — на северо-западе Синьцзяна. В 1266 г. внук Угэдэя Кайду (1236–1301) поднял восстание против власти великого хана Хубилая (1215–1294, великий хан с 1260). К 1271 г. он установил контроль над всей территорией чагатайского улуса (сохраняя династию в качестве марионеток), его войска разорили оазисы востока Синьцзяна (прежде всего Турфан), находившиеся под властью Хубилая. Войска Кайду были разбиты только в 1301 г., после чего Чагатайский улус был восстановлен, но его столица переместилась западнее — в Мавераннахр.

Господство монгольских завоевателей отрицательно сказалось на состоянии экономики и культуры региона. Длительная междоусобная война, начавшаяся в XIII в. в Монголии, затронула Джунгарию и Восточный Туркестан и тяжело отразилась на экономической жизни страны. Такие цветущие города Уйгурии как Алмалык, Бешбалык, Илибалык, Кара-ходжо и другие, ещё при правлении преемников Чингисхана пришли в упадок, а после завоевания их чагатаидами в

XIV в. превратились в развалины и исчезли. Опустение городов в значительной степени было связано также с общим упадком экономики страны и сокращением торговых связей с соседними странами.

В начале XIV в. правители улуса приняли ислам, в середине XIV в. государство распалось на две части — западную, в бассейне Амударьи, и восточную, которая вскоре начинает именоваться Могулистаном (Мамлакат-и Могулийе). Правители Могулистана сохранили свои кочевые традиции — основу государства составляли степные земли на севере Синьцзяна, но быстро тюркизировались. С конца XIV в. тюркский язык Могулистана (чагатайский) становится литературным языком всех исламизированных тюрков Центральной Азии; это положение он сохраняет вплоть до XX в.

Именно ханы Мамлакат-и Могулийе впервые объединили под своей властью степи Семиречья и Джунгарии и оазисы вокруг Такла-Макана. К концу 80-х гг. XIV в. сложился политический союз правителей Могулистана с Белой Ордой против Тимура. В ответ Тимур предпринял два чрезвычайно тяжёлых для коренного населения грабительских похода: в 1389 г. — в Могулистан и в 1390–1391 гг. — в Белую и Золотую Орду. В результате изнурительной борьбы с агрессией Тимура Могулистан распался на уделы. Хан Могулистана Кызыр-кожа (1380–1399) вынужден был признать себя вассалом Тимура. В первой половине XIV в. усилилась раздробленность, тимуриды продолжали притязать на Семиречье и Кашгарию. При сыне Кызыр-кожи Муххамед-хане (1408–1416) положение несколько упрочилось. При нём Могулистан стал независимым от тимуридов, удалось вернуть земли в долинах реки Чу и Таласа, на время утихли междоусобицы. Однако в первой половине XV в. на восточные рубежи Могулистана начались набеги ойратов.

Средневековая история ойратов — союза четырёх западно-монгольских племён — тесно связана с именем Чингис-хана. В его империи ойратские князья занимали довольно важное положение и были обязаны выставлять в общемонгольскую армию четыре тумена, составляя её левое крыло — «зүүн гар». В китайских исторических источниках ойратские племена фигурировали под названием элетов (олётов, элютов), арабско-персидские летописцы, как и русские, называли ойратов калмыками (калмаками).

В 1204–1205 гг. найманы, разгромленные Чингис-ханом, были вынуждены продвинуться в степную зону Урало-Иртышского междуречья. Это позволило ойратам занять опустевшие кочевья найманов на Алтае, со временем обособиться от восточных монголов и проводить самостоятельную внешнюю политику.

После свержения в Китае юаньской династии и изгнания последнего монгольского хана Тогон-Тэмура (1333–1370) в Монголии началась ожесточённая борьба за власть. В результате государство фактически распалось на два независимых друг от друга владения: западную Монголию, где доминировали ойраты, и восточную, находившуюся под контролем потомков юаньских императоров. В этот период владения ойратов располагались на территории, простиравшейся от верховий Иртыша и Енисея на севере до границ Гоби на юге, от Хангайских гор на востоке до Могулистана на западе.

Период правления у ойратов Тогона (1434–1438), а затем его сына Эсена (1439–1455) стал важной вехой в истории ойратов. Им удалось объединить разрозненные монгольские племена и объединить всю страну. Однако после смерти Эсена ойраты были вынуждены ограничить круг своих действий пределами собственных владений. Тем временем, контроль потомков Чагатая над оазисами юга Синьцзяна не был прочным — со времён Чингис-хана там правили эмиры тюрко-монгольского племени дуглат. В конце 1465 г. дуглатские эмиры разорвали свои вассальные клятвы и основали собственное государство со столицей в Яркенде, также включавшее Хотан и Кашгар. В 1514 г. чагатайским ханам удалось подавить сопротивление мятежников, после чего столица Могулистана переместилась в Яркенд — бывшие кочевники всё больше тяготели к оазисам, чем к степи. Вскоре Чагатайский улус распался на два княжества со столицами в Яркенде и Турфане и потерял свои степные территории в Джунгарии, где с начала XV в. усилился племенной союз четырёх западномонгольских ойратских племён. Буддисты ойраты стали смертельным врагом могулистанских ханов.

В течение XVI в. усиление монгольских племён привело к ослаблению ойратского государства, но оно возродилось вновь в начале XVII в. под именем Джунгарского ханства — последней кочевой империи в истории человечества. К середине XVII в. ойратские племена контролировали огромные территории от Северного Кавказа и Поволжья до Тибета и Монголии. В это время в оазисах юга Синьцзяна усилилось влияние суфиев (ходжей) ордена Накшбандия, которые начали претендовать не только на духовную, но и на светскую власть, находившуюся в руках чагатайских ханов. Чтобы ослабить наиболее опасного из противников, лидера т.н. Белогорских ходжей Аппака-ходжу (1626–1694), правитель Яркенда Исмаил-хан поддержал конкурирующее суфийское братство Черногорских ходжей и сумел добиться изгнания Аппака-ходжи из Яркенда. Однако ходжа, получив поддержку и рекомендации V Далай-ламы (1617–1682, правил с 1642), заключил союз с джунгарами, которые в 1678 г.

взяли Яркенд и посадили на престол Аппака-ходжу в качестве своего данника. В 1692 г. Аппаку-ходже удалось разгромить сильное войско чагатайских лоялистов, после чего под его управлением оказалось обширное государство, включавшее, помимо Яркенда, Кашгар, Аксу и Кучу. В ряде оазисов власть оказалась в руках Черногорских ходжей, в немногих продолжали править сильно измельчавшие чагатайские ханы. Джунгарские правители, оставаясь буддистами, не пытались бороться с исламом в этой части своих владений, довольствуясь данью.

В конце XVII в. Джунгарское ханство вступило в противоборство с маньчжурской империей Цин и проиграло. В ходе войны 1755–1759 гг. и последующего геноцида Джунгарское ханство было уничтожено цинскими войсками, а сами джунгары почти полностью истреблены. Джунгарские степи обезлюдели и были заселены вновь — казахами, китайскими поселенцами, в том числе китайскими мусульманами (дунганями, хуэй) и т.п. В конце XVIII в. в долине Или была поселена часть монгольского племени чахар, до того проживавших неподалеку от Пекина; в Джунгарии были расселены калмыки-торгоуты, бежавшие в 1771 г. из Российской империи. Этнополитическая карта Синьцзяна претерпела радикальные изменения.

В 1758 г. лидер Белогорцев, потомок Аппака-ходжи Ходжа Джихан провозгласил себя правителем нового государства со столицей в Яркенде, но к концу 1759 г. был разбит. В результате завоевания маньчжуро-китайскими войсками Джунгарии и Восточного Туркестана обе области фактически превратились в колонию Цинской империи. Уничтожение Джунгарского ханства, преграждавшего маньчжуро-китайским завоевателям путь для расширения их экспансии на северо-западе Центральной Азии, имело важные исторические последствия. Оказалась нарушенной вся система сложившихся здесь международных отношений, в центре которой с середины XVII в. находилось ойратское государство. Цинское правительство значительно расширило сферу своего военно-политического влияния, укрепило позиции в Тибете и Монголии, создало далеко выдвинутые военные форпосты на западе (по праву завоевателей Цины считали все земли покорённого ими Джунгарского ханства, в том числе захваченные ойратами области в Киргизии, Казахстане, Южной Сибири, принадлежностью своей империи).

Характер проведённых маньчжуро-китайскими завоевателями административно-политических преобразований в Джунгарии и Восточном Туркестане определялся военно-стратегическим значением каждой из этих областей. Оба региона, совершенно различных по уровню своего хозяйственного развития и этническому составу

населения, были в 1760 г. искусственно сведены в особую военно-административную единицу — имперское наместничество Синьцзян, с подчинением его наместнику Северо-Западного Китая (провинции Шэньси и Ганьсу). Территория Джунгарии была разделена на следующие округа: Или, Тарбагатай, Урумчи, Баркуль, Каркараусу. В Восточном Туркестане были образованы Кашгарский, Яркендский, Хотанский, Аксу-Ушский, Кучарский и Харашарский округа. В Турфанском и Хамийском оазисах сохранилась власть вассальных Цинам чагатайских ханов.

В городах были размещены маньчжуро-китайские гарнизоны. Только в одной Джунгарии постоянно размещались 30–40 тыс. цинских войск. Безусловно, содержание столь значительного воинского контингента требовало больших средств и запасов продовольствия. Все эти расходы ложились на местное население.

Регулярно вспыхивавшие восстания, во главе которых чаще всего стояли белогорские и черногорские ходжи, жестоко подавлялись. Одним из основных механизмов профилактики восстаний стало переселение цинскими властями больших групп жителей оазисов на север Синьцзяна, прежде всего в долину Или, в район г. Кульджи (совр. Инин 伊寧). Именно илийские тюрки-таранчи впоследствии стали одной из основных составных частей уйгурского этноса.

В 1862 г. в центральных китайских провинциях Ганьсу и Шэньси вспыхнуло восстание китайских мусульман (дунган). Синьцзян оказался отрезанным от основной части империи Цин, маньчжурские гарнизоны, часто состоящие из дунган, стали восставать, уничтожая маньчжурских чиновников и китайское население. В 1863–1866 гг. на территории Синьцзяна возникло пять независимых теократических государств: Кучарское, Хотанское и Кашгарское в Восточном Туркестане, Урумчинское и Кульджинское в Джунгарии. В 1865 г. военачальник Якуб-бек, присланный из Коканда в ответ на просьбы о помощи от кашгарских повстанцев, выбил цинские войска из Кашгара и Яркенда и в 1867 г. основал государство Йеттишар (Семиградие) со столицей в Кашгаре. Он начал успешную борьбу с другими лидерами восставших (тюрками и дунганами (Урумчи)), сумев к 1870 г. объединить под своей властью весь Восточный Туркестан. В 1871 г. Семиречье, где находилось одно из государств восставших — Илийский (Таранчинский) султанат со столицей в Кульдже — было аннексировано Российской империей, обещавшей вернуть эти земли после того, как Китай восстановит порядок на своей территории.

Якуб-беку удалось создать довольно прочное государство, *de facto* признанное Россией и Англией; Османская империя посылала в Кашгар военных специалистов, чтобы помочь Якуб-беку в подготовке

армии. Однако в середине 70-х гг. маньчжурам удалось подавить восстание дунган в центральном Китае и обрушиться на Якуб-бека. В мае 1877 г. он скончался, а к 1878 г. его государство было уничтожено, и Китай сумел полностью восстановить контроль над Синьцзяном. В 1881–1883 г. российские войска оставили почти весь Илийский край. В 1884 г. усмиренные территории были провозглашены провинцией империи Цин — Синьцзяном со столицей в Урумчи, впервые в истории Кашгария и Джунгария были объединены в рамках одной административной единицы. Подавление восстания и последующее налаживание мирной жизни привело к значительному перемещению тюркского населения региона. Десятки тысяч жителей Синьцзяна бежали в среднеазиатские области России.

Задолго до вторжения цинских войск в Джунгарию и Восточный Туркестан уже существовали довольно устойчивые экономические связи между русским населением в Сибири и ойратами. После гибели Джунгарского ханства торговые и хозяйственные связи между Россией и народами, населявшими Синьцзян, развивались и крепли, ко второй половине XIX в. почти вся территория Синьцзяна оказалась в зоне российского экономического влияния. Это влияние росло по мере роста политической доминанты России в центральноазиатском регионе и стало особенно проявляться в последней четверти XIX в. В конце XIX — начале XX вв. на долю России приходилось свыше 75% внешнеторгового оборота провинции. В это время правительству царской России удалось добиться права экстерриториальности в Синьцзяне, беспошлинной торговли, больших преимуществ при покупке земель, при отведении территорий для устройства складов, баз, а также при вложении капиталов в транспортные, торговые и банковские предприятия. В Синьцзяне было учреждено отделение Русско-Азиатского банка. Россия импортировала из Синьцзяна хлопок, изюм, овечью шерсть, верблюжью шерсть, барашковые шкуры, козьи шкуры, шкуры барсов, воловьей кожи, овечьей кожи, куньи меха, лисьи шкуры, тигровые шкуры, баранов, быков, лошадей и многое другое. В Синьцзян вывозились изделия из железа, сельскохозяйственное оборудование, посуда, ткани, спички, мыло, керосин и другие промышленные товары. По большинству завозимых в провинцию товаров Россия обладала полной монополией.

В конце XIX — начале XX вв. Синьцзян, оставаясь в составе Цинской империи, был далеко не самой спокойной её частью и вызывал интерес у западных держав, прежде всего России и Великобритании. В это время Синьцзян становится целью многих европейских экспедиций, изучавших природные богатства и исторические

памятники региона. Настоящим открытием стали буддийские памятники, открытые Дмитрием Клеменцем и Сергеем Ольденбургом (Россия), Марком Орэлом Стейном (Англия), Полем Пеллио (Франция), Альбертом фон ЛеКоком и Альбертом Грюнвеллем (Германия) и другими.

В 1911 г. Цинская империя перестала существовать, 12 февраля 1912 г. император Пу И 溥儀 (1906–1967, император Китая в 1908–1912) отрёкся от престола. Синьцзян довольно долго не был затронут волнениями. 28 декабря 1911 г. должно было состояться восстание урумчийского гарнизона, но губернатор Юань Дахуа 袁大化 (1851–1935) узнал о заговоре заранее, многие революционеры были казнены. В ночь с 7 на 8 января вспыхнуло восстание гарнизонных частей в Кульдже, подготовленное хубэйскими революционерами. Командир бригады, выходец из Юньнани Ян Цзэнсинь 楊增新 (1867–1928) поддержал восставших. 7 мая в Кашгаре подняли восстание члены тайного общества Гэлаохуэй 哥老會 («Общество старших братьев»); им удалось убить губернатора и ряд маньчжурских чиновников, войска перешли на их сторону. В Кульджу и Кашгар были введены российские и британские контингенты для охраны консульств. Усилия Юань Дахуа подавить восстания не увенчались успехом, 22 мая указом президента Китайской республики Юань Шикая 袁世凱 (1859–1916, президент с 1912) он был смещён и заменён Ян Цзэнсинем, которому в 1913 г. удалось подавить все восстания (в том числе и своих бывших соратников-революционеров) и поставить Синьцзян под свой контроль. В 1913–1914 гг. из Кульджи и Кашгара были выведены иностранные отряды.

Земли северо-восточного Синьцзяна, населённые монголами и ойратами, были вовлечены в национально-освободительную борьбу, вызванную отделением от Китая Внешней Монголии в конце 1911 г., однако в итоге эти территории остались в Синьцзяне — Россия не согласилась на присоединение этих территорий к Монголии, не желая портить отношений с Китаем. Более того, в 1914 г. Ян Цзэнсинь отторг от Западной Монголии Алтайский округ и присоединил его к «своей» провинции.

В 20-х гг. Синьцзяном начала интересоваться Советская Россия, которая активно поддерживала борцов за независимость от Китая. В 1921 г. в Ташкенте прошёл съезд делегатов со всего Синьцзяна, на котором по предложению тюрколога С.Е. Малова (1880–1958) было принято решение с целью сплочения нации ввести общий этноним для тюркского населения региона: жители разных оазисов и таранчи

были объединены под давно забытым именем уйгуров⁵ (далеко не сразу этот этноним был принят большинством борцов за независимость, многие предпочитали именовать себя тюрками).

Ряд членов Политбюро ВКП(б) ставили вопрос о создании Кашгарской и Джунгарской советских республик. Против этого предложения на заседании Политбюро категорически высказался нарком иностранных дел Г.В. Чичерин. В итоге члены Политбюро, в том числе и В.И. Ленин, приняли решение «согласиться с мнением Чичерина»⁶. Однако, судя по дальнейшим событиям, идея переноса революции на территорию Синьцзяна продолжала жить. В 1922 г. в работе IV съезда Коминтерна в Петрограде и Москве участвовала Уйгурская секция Туркестанской коммунистической партии. Впрочем, советское правительство, как отмечено выше, осознавало опасность прямого вмешательства в ситуацию в Синьцзяне и на деле предпочитало выгоды торговли с богатым редкими полезными ископаемыми регионом призрачному будущему его открытой советизации.

В условиях экономической и дипломатической блокады, в которой оказалась Советская Россия в начале 20-х гг., громадный сырьевой рынок провинции Синьцзян, товары которой могли быть получены на предельно выгодных условиях, обретал для неё особое значение. Экономика Синьцзяна испытывала острейшую нужду в промышленных изделиях, которые, в силу целого ряда объективных обстоятельств, могли быть приобретены только в России, это делало насущно необходимым установление торгово-экономических связей с Россией даже в условиях непризнания последней центральным правительством Китая. Власти Синьцзяна, пусть медленно, но неуклонно шли навстречу настойчивым предложениям советской стороны оформить взаимное стремление к сотрудничеству. Подписанный в мае 1920 г. «Илийский протокол» в известной степени способствовал возобновлению двухсторонних экономических связей, но в силу своего ограниченного действия не устраивал обе стороны.

Весной 1920 г., после разгрома основных сил адмирала Колчака, на территорию китайской провинции Синьцзян перешли крупные отряды белогвардейской армии под командованием атамана Оренбургского казачьего войска Дутова, командира корпуса колчаковских войск генерала Бакича, командующего Семиреченской армией атамана Анненкова и других. На китайской территории командование

⁵ Современный уйгурский язык основан прежде всего на илийском (таранчинском) и кашгарском диалектах карлукского языка; в разговорной практике очень значительное место по-прежнему занимают местные диалекты.

⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) Ф. 17. Оп. 3. Д. 174. Л. 4.

этих войск достаточно быстро восстановило боеспособность частей и стало готовить новые операции против Советской России. При этом подразделения белой армии совершенно перестали считаться с китайскими властями провинции, дестабилизируя мирную жизнь населения. Количество людей, перешедших китайскую границу в массе отступающих войск, точно установить практически невозможно, однако большинство источников сходятся на том, что только в марте 1920 г. и только в пограничных округах Синьцзяна осело 25–30 тысяч военнослужащих и членов их семей⁷. Надо отметить, что практически все подразделения белогвардейских войск, интернированные на территории Синьцзяна, сумели сохранить большую часть своего вооружения.

Зимой 1920/1921 гг. военная часть русской эмиграции в Синьцзяне вступила в этап необходимой консолидации антисоветских сил и разрозненных воинских частей, объединения их под командованием одного военачальника. Этот процесс не мог не вызвать ожесточённой схватки между претендентами на должность командующего. В результате этой борьбы власть оказалась в руках генерала Бакича, который после смерти Дутова оказался и по званию, и по должности самой крупной фигурой в среде синьцзянской белогвардейской эмиграции. Он и развернул энергичную деятельность по объединению под своим командованием всех отрядов белогвардейцев, оказавшихся на территории провинции. Отряды Бакича стали совершать нападения на территорию Советской России, уничтожать гарнизоны небольших селений, вырезать семьи партийных работников и советских служащих. Бакич планировал, превратив территорию провинции в свой плацдарм, попытаться, действуя совместно с антисоветскими силами в самой России, начать новый этап борьбы с советской властью. В ходе подготовки к осуществлению своих планов Бакич не только совершенно перестал считаться с администрацией округов, где размещались его войска, но начал разоружать китайских военнослужащих, захватывая с этой целью населённые пункты и крепости, где стояли гарнизоны. Ввиду малочисленности китайских правительственных войск и их слабой подготовки оказать сопротивление действиям Бакича оказалось некому. Выход из этого положения был один: искать помощи у Советской России, которая была заинтересована в уничтожении войск белогвардейцев.

Бесконечные набеги небольших отрядов белоэмигрантов на территории сопредельных с Синьцзяном российских областей, проблема беженцев осложняли и без того напряжённую обстановку в

⁷ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0/100-в. Оп. 4. П. 102. Д. 2. Л. 7.

этом регионе и требовали быстрее решения. Открытая подготовка белогвардейцев к походу против Советской России, которая грозила самыми непредсказуемыми последствиями губернатору Ян Цзэнсию, в конце концов вынудила его вступить в переговоры с советским военным командованием в Туркестане и Сибири относительно проведения совместной военной операции против частей Бакича и отступивших в Синьцзян остатков разбитых отрядов участников антисоветского восстания в Южном Приуралье под командованием штабс-капитана Новикова. В результате переговоров 17 мая 1921 года был подписан договор, в соответствии с которым на территорию провинции вводились части Сибфронта и Туркфронта «для совместной ликвидации белых армий Бакича и Новикова». В соглашении определялось, что «Советские войска, вступившие на китайскую территорию согласно этого договора, имеют целью ликвидацию белых отрядов Бакича и Новикова. После этой ликвидации немедленно отводятся на территорию Советской России»⁸.

Проведённая в соответствии с подписанным соглашением в мае-июне 1921 г. т.н. Чугучакская операция оказалась не совсем удачной, и значительной части белых войск под командованием генерала Бакича удалось вырваться из окружения. Потеряв около 1000 убитыми и 1500 пленными, бросив обозы, раненых и семьи офицеров и казаков, белогвардейцы, вырвавшись из окружения в количестве 5000 солдат и офицеров, ушли в Алтайский округ. Не встречая со стороны китайских войск каких-либо попыток остановить их, 2 июля 1921 г. войска Бакича практически без боя захватили крепость Шара-Сумэ, где ими были взяты значительные трофеи. Несколько оправившись от поражения, генерал Бакич к середине июля стал фактическим хозяином Алтайского округа, возобновив энергичную работу по подготовке своих войск к дальнейшей борьбе. В результате сложившихся обстоятельств китайские власти вынуждены были вновь обратиться к советской России с просьбой о помощи в окончательном разгроме Бакича.

В соответствии с новым договором, подписанным 12 сентября 1921 г., части Сибфронта вновь были введены на территорию Алтайского округа провинции. Условия нового соглашения, обеспечивавшие Красной Армии более выгодные условия пребывания на китайской территории, а главное большую свободу действий, позволили ей в ходе нескольких операций к началу октября 1921 г. уничтожить остатки войск белогвардейцев. Этот шаг советской стороны в свою очередь был достаточно высоко оценён Центральным

⁸ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 41-а. П. 163. Д. 1. Л. 27–29.

китайским правительством и сыграл в дальнейшем весьма позитивную роль в нормализации советско-китайских отношений. Генерал Бакич после разгрома его войск в Синьцзяне бежал в Монголию, где был вскоре пленён и выдан советским властям. По приговору военного трибунала он в 1922 г. был расстрелян в Новосибирске.

31 мая 1924 г. между Китайской Республикой и Советским Союзом было подписано «Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой». Это позволило правительствам Синьцзяна и СССР в октябре 1924 г. подписать соглашение о немедленном учреждении консульств СССР в городах Урумчи, Кашгаре, Кульдже, Чугучаке и на Алтае, а также консульств Китая в Ташкенте, Алма-Ате, Семипалатинске, Зайсане и Андижане. Последнее соглашение способствовало тому, что уже к концу 1924 г. синьцзянские власти полностью вернули Советскому Союзу консульское и прочее имущество, принадлежавшее ранее России, что значительно облегчило в дальнейшем деятельность советских дипломатов и торговых представителей в Синьцзяне.

В 1928 г. Ян Цзэнсинь был убит через несколько дней после признания им власти Нанкина, и губернатором стал его приближённый Цзинь Шужэнь 金樹仁 (1879–1941), который поощрял переселение в Синьцзян китайцев и без большого уважения относится к традиционному устройству региона. В 1930 г. скончался комульский хан — последний в Синьцзяне (и мире) правитель-чагатаид. Цзинь Шужэнь воспользовался этим случаем, чтобы упразднить вассальное ханство и включить его территорию в состав Синьцзяна на общих основаниях. Конфискованная у комульской знати земля была отдана им китайским поселенцам. В апреле 1931 г. комульские уйгуры восстали, китайские поселенцы были перебиты. Во главе восстания встала аристократия и купечество, исповедовавшие идеи панисламизма и пантюркизма, выдвинувшие лозунг создания независимой исламской республики; в то же время непосредственное командование отрядами повстанцев чаще всего осуществляли выходцы из народных низов. Так, например, мусульманскими отрядами Комула командовал Ходжа Нияз (1889–1941), который до начала восстания состоял на службе у комульского князя; повстанцами в районе Аксу руководил Тимур, в прошлом бедняк-арбакши (возчик воды), и Низаметдин — выходец из крестьян-бедняков. Последний до восстания успел пожить в СССР, учился в Коммунистическом Университете Трудящихся Востока (КУТВ), а затем, примкнув к подпольной уйгурской организации, вернулся по её заданию в Синьцзян, где и включился в революционную работу⁹.

⁹ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2027. Л. 47.

В первые недели движения повстанцам удалось добиться некоторых успехов, однако они оказались кратковременными, и уже к лету 1931 года правительственные войска, несравненно лучше вооружённые и организованные, стали наносить отрядам Ходжи Нияза ощутимые удары, оттеснив их, в конце концов, в горы Бадаши. Достаточно быстро осознав, что без серьёзной помощи извне восстание обречено на поражение, его руководители решили искать поддержки у единоверцев в провинции Ганьсу. Здесь, как и в Синьцзяне значительная часть населения, представленная дунганскими, исповедовала ислам, и, в силу этого, а также ряда социально-экономических причин, антиханьские настроения были весьма значительны. Результатом этих настроений ранее явилось мощное восстание мусульманского населения провинции 1928–1929 гг., вызванное резким усилением экономического гнёта со стороны властей в связи с дислокацией в этом районе армии генерала Фэн Юйсяна 馮玉祥 (1882–1948). Обеспечение «народной армии» Фэна всем необходимым, насильственная мобилизация в неё мужчин-мусульман, насаждение в оной христианства и ещё целый ряд причин политического, экономического и психологического порядка явились запалом к давно зреющему взрыву религиозно-общинной войны, вспыхнувшей в марте 1928 г. Одним из наиболее видных руководителей повстанческого движения стал молодой дунганский офицер Ма Чжунъин 馬仲英 (1910–1939?), объединивший под своим командованием значительные силы, состоявшие в основном из отрядов дунган. После двухлетней борьбы, которая постепенно трансформировалась в борьбу милитаристских кланов, возглавляемых мусульманами, с армией Фэн Юйсяна, Ма Чжунъин стал весьма заметной фигурой на Северо-Западе Китая. В неполных 24 года он был генералом и командовал дивизией. Однако к 1929 г. восстание дунган в Ганьсу в результате встречных действий китайских властей и лидеров мусульманского населения сошло на нет, и Ма Чжунъин оказался в известном смысле не у дел. Будучи человеком энергичным и деятельным, Ма Чжунъин начал вынашивать планы по установлению своего контроля над Синьцзяном. Чан Кайши 蔣介石 (1887–1975, глава Китайской республики с 1928 г.), которого он попросил о передаче ему губернаторской должности в Синьцзяне в качестве благодарности за борьбу с Фэн Юйсяном¹⁰, ответил ему, что утвердит его назначение только тогда, когда он обретёт реальный контроль

¹⁰ Фэн Юйсян в этот момент выступал на стороне противников Чан Кайши и его политики разрыва с Советским Союзом.

над провинцией — в чём Нанкин, крайне недовольный заигрыванием Цзинь Шужэня с Москвой, был вполне заинтересован.

Заручившись моральной поддержкой своего плана со стороны Чан Кайши, Ма Чжуньин начал готовиться к походу в Синьцзян. Именно в это время в его ставку прибыли Ходжа Нияз и ещё один руководитель повстанческого движения, бывший офицер комульской армии Юлбарс-хан (1888–1971). Рассказав Ма Чжуньину о развитии событий в Синьцзяне, делегаты повстанцев попросили молодого генерала оказать им поддержку в «священной войне с неверными». Просьба уйгурских вождей оказалась для Ма Чжуньина как нельзя кстати, ибо давала ему возможность при реализации своих собственных планов опереться на местное население, уже начавшее борьбу с провинциальным правительством, которое он собирался свергнуть. Пытаясь не упустить благоприятной ситуации, Ма Чжуньин уже в начале июня 1931 г. прибыл в Синьцзян с бригадой численностью до 700 человек. Оказавшись в Синьцзяне, Ма Чжуньин стал фактическим вождём всего повстанческого движения, ибо в таком качестве он был признан основной движущей силой восставших — уйгурами. В свою очередь, Цзинь Шужэнь сумел найти поддержку у руководства Советского Союза, который на данном этапе находился в непростой ситуации, так как его внешнеполитические интересы, направленные на усиление своего политического и экономического влияния в Синьцзяне, очевидно входили в конфликт с его имиджем лидера мирового революционного движения, частью которого было объявлено и движение национально-освободительное.

Надо отметить, что к периоду рассматриваемых событий советские руководители уже сталкивались с необходимостью анализа и просчитывания своего вмешательства в той или иной форме во внутривнутриполитические дела Синьцзяна. Незадолго до восстания, в январе 1930 г., к советским дипломатам в Синьцзяне с просьбой оказать ему помощь в предполагаемом военном перевороте с целью создания новой провинции на территории Кашгарии обратился контролировавший Кашгар мусульманский генерал Ма Шао'у 馬紹武 (1874–1937). За помощь оружием и войсками Ма обещал создать в новой провинции условия преобладающего советского влияния. Он прямо заявил работникам консульства в Кашгаре: «вы получите здесь то, что имеют японцы в Маньчжурии»¹¹. Советские дипломаты, проанализировав ситуацию, отказались от обсуждения этого вопроса.

Однако в августе 1931 г., учитывая очевидную опасность сложившейся в Синьцзяне ситуации для среднеазиатских приграничных

¹¹ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2209. Л. 1–2.

районов СССР и советско-синьцзянской торговли руководство СССР осуществило поставку крупной партии оружия синьцзянскому правительству в Урумчи. Эта поставка позволила провинциальной администрации подавить восстание в Комуле; раненый Ма Чжуньин выехал в Ганьсу. В благодарность за поставки оружия СССР было позволено открыть торгпредства в 8 крупных городах Синьцзяна.

Тем не менее, восстание в Комуле стало сигналом к началу борьбы во всём Синьцзяне, причём целью восставших всё чаще провозглашалась полная независимость от Китая. В марте 1933 г. началось восстание горняков-золотодобытчиков в Хотане, был провозглашён Хотанский эмират, в июле основано отделение правительства эмирата в Кашгаре, которое к концу года превратилось в фактически отдельный центр власти.

В начале 1933 г. Ма Чжуньин вновь появился в Синьцзяне. Войска Ма Чжуньина, на чью сторону перешли многие провинциальные части, одерживал победу за победой как над силами губернатора, так и над восставшими уйгурами и киргизами. Основой губернаторской армии были части, сформированные из русских белогвардейцев под командованием полковника П. П. Папенгута (1894–1933). В апреле 1933 г. в результате военного переворота в Урумчи Цзинь Шужэнь был смещён, и к власти в Синьцзяне пришёл командующий китайскими войсками в Синьцзяне полковник Шэн Шицай 盛世才 (1895–1970) (маньчжур по национальности). Папенгут был назначен командующим объединёнными вооружёнными силами провинции Синьцзян (отстранён и расстрелян за нежелание сотрудничать с СССР в декабре 1933 г.).

Летом 1933 г. прошли переговоры Шэн Шицай с руководителем крупнейшей группировки повстанцев, состоявшей в основном из уйгуров, Ходжой Ниязом. Результатом переговоров стало достигнутое в июле 1933 г. соглашение о прекращении боевых действий этой группировки против правительственных сил. Раскол в лагере повстанцев и переход Ходжи Нияза в лагерь вчерашних противников зрел давно и был связан не только с активной примиренческой деятельностью правительства, но и с нежеланием Ма Чжуньина видеть в уйгурах равноправных партнёров. Соглашение предусматривало создание на юге провинции национальной автономии уйгур, привлечение в состав правительства людей различных национальностей, а также ещё целый ряд уже декларированных Шэн Шицаем демократических преобразований. В ответ Ходжа Нияз обязался сотрудничать с правительством Синьцзяна в установлении мира и порядка в провинции, что, естественно, подразумевало совместную борьбу против сил Ма Чжуньина и кульджинского генерала Чжан Пэйюаня

張培元 (1894–1934), которые теперь оставались главными противниками Урумчи, т.к. казахи Алтайского округа и карашарские монголы вскоре примкнули к соглашению уйгурской группировки с правительством провинции. Соглашение о сотрудничестве правительства Синьцзяна с Ходжой Ниязом и стоявшими за ним уйгурами хотя и облегчило положение провинциальных властей, но не остановило войну. Более того, события, развернувшиеся в провинции во второй половине 1933 — начале 1934 гг., ознаменовали собой наивысшую точку в борьбе сторон.

Параллельно с переговорами, которые велись с Ходжой Ниязом, Шэн Шицай пытался договориться и с Ма Чжунъином. Для того, чтобы примирить последнего с руководством провинции, в Синьцзян даже приезжал специально посланный председателем исполнительного юаня Ван Цзинвэем 汪精衛 (1883–1944) министр иностранных дел и министр юстиции Ло Вэньгань 羅文幹 (1888–1941). Однако его миссия не привела к положительному результату: примирить противников не удалось, и войска Ма Чжунъина продолжали боевые действия против войск Шэн Шицай. С другой стороны, ещё 20 февраля 1933 г. «Уйгурский комитет за национальную революцию» образовал в Хотане временное правительство. Возглавил это правительство выходец из Артуша, теолог Сабит Домулла (1883–1934), подозревавшийся в связях с Англией. Командующим вооружёнными силами нового правительства стал Мухаммад Амин Бутра (1901–1965); он и его братья приняли титулы эмиров. 12 ноября 1933 г. в Кашгаре премьер-министр «правительства хотанских эмиров» Сабит Домулла официально провозгласил создание независимой Тюрко-Исламской республики Восточного Туркестана (ТИРВТ, также Республика Уйгуристан). Президентом вновь созданной республики был заочно избран Ходжа Нияз, была обнародована конституция, основанная на законах шариата. Руководители ТИРВТ сразу же начали активную работу по организации дипломатического признания своей республики со стороны ближайших соседей из числа мусульманских государств и Англии. Были установлены контакты с Турцией, Афганистаном, мусульманами Индии. При этом большинство исследователей отмечают, что доминирующим влиянием в ТИРВТ пользовалась Турция. Однако лидерам новоявленного государства было достаточно ясно, что реальную помощь и поддержку им может оказать не Турция, а Англия, кровно заинтересованная в создании санитарного кордона между Индией и Советским Союзом и укреплении своих экономических позиций в Кашгарии. Поэтому Сабит Домулла и его соратники ещё до образования ТИРВТ отправили британскому консулу в Кашгаре Джону Уильяму Томсон-Гловеру

письмо, в котором просили принять республику под протекторат Англии. Естественно, эта ситуация не могла не вызывать беспокойства у Москвы.

В этих условиях Шэн Шицай счёл возможным обратиться к правительству СССР с просьбой оказать помощь в проведении боевых операций против своих противников. Советская сторона ответила на эту просьбу согласием. В ноябре 1933 г. в Синьцзян была переброшена так называемая «Алтайская добровольческая армия», сформированная из частей различных родов войск Красной Армии (прежде всего из состава пограничных частей ОГПУ). В оперативном подчинении командования этой группировки находились также подразделения, сформированные из бывших белогвардейцев — «натурализованных русских», которым была обещана амнистия и советское гражданство в случае удачного завершения операции. При этом обеспечение всех участников предстоящей операции, включая части белогвардейцев, оружием, техникой и снаряжением (армия была обмундирована в русскую форму дореволюционного образца без символики) ложилось на советскую сторону, с дальнейшим возмещением понесённых затрат правительством провинции. Хорошо вооружённые и оснащённые советские части, объединившись с формированиями бывших белогвардейцев Шэн Шицай и торгоутской кавалерией, нанесли несколько поражений яростно защищавшемуся Ма Чжуньину. В результате положение возглавляемых им отрядов повстанцев стало безнадежным, он был отрезан от своих баз и прижат противником к границе. 10 июля 1934 г. Ма Чжуньин с небольшой группой соратников перешёл в районе караула Иркештам на советскую территорию и был интернирован. С его отходом от активной борьбы завершились боевые действия на территории Синьцзяна. Заключительным аккордом синьцзянских событий 1931–1934 годов явилось требование выдачи Ма Чжуньина, предъявленное генералом Шэн Шицаем советскому правительству. Однако Шэн Шицай получил отказ. Ему было заявлено, что на основании советской конституции интернированные лица без их согласия не могут быть выданы государству, которое они покинули. Причём сообщение об отказе выдать Ма Чжуньина китайским властям было опубликовано в советской печати¹².

Так при поддержке СССР Шэн Шицаю удалось утвердить свою власть в Синьцзяне и разгромить войска Ма Чжуньина, за которым стояло нанкинское правительство. На его счастье, угрозу отделения Кашгарии удалось ликвидировать чужими руками: 6 февраля 1934 г. в ходе т.н. битвы за Кашгар ТИРВТ была ликвидирована дунгански-

¹² РГАСПИ. Ф. 17 (особая папка политбюро). Оп. 162. Д. 16. Л. 113.

ми отрядами союзников Ма Чжуньина; многие её лидеры погибли, Ходжа Нияз бежал в СССР, где вскоре официально объявил о роспуске военных отрядов республики.

В конце апреля 1934 г. советские части покинули территорию Синьцзяна, но в распоряжении Шэн Шицай осталось немало предоставленного СССР оружия, советские военные советники и подготовленные ими части. Весной 1937 г. на юге Синьцзяна, где определённое влияние сохраняли сторонники независимости и дунганские генералы, верные Нанкину, вспыхнуло новое восстание; восставшие заняли Кашгар и двинулись на столицу провинции Урумчи. Шэн Шицай вновь получил поддержку советских войск (в том числе авиации), и к октябрю сопротивление было подавлено. Так Шэн Шицай стал полным хозяином в Синьцзяне, и Нанкин был вынужден смириться с его более чем формальной верностью Китайской республике и близким отношениям с СССР. В августе 1938 г. Шэн Шицай вступил в ВКП(б). Синьцзян имел собственную валюту, денежный оборот обеспечивался Госбанком СССР.

После того, как 7 июля 1937 г. Япония начала широкомасштабную войну против Китая, роль Синьцзяна в советско-китайских отношениях сильно изменилась. Все попытки гоминьдановской дипломатии создать блок государств, которые могли бы поддержать Китай в войне с Японией, в силу разных причин завершились неудачей. В результате Китай оказался один на один с мощным противником, имея плохо подготовленную и недостаточно технически оснащённую армию. Последнее обстоятельство предопределило крупные поражения китайской армии уже в первые недели боевых действий.

Всё более ухудшающееся военно-политическое положение заставляло правительство Китая обратиться за поддержкой и помощью в борьбе с Японией к Советскому Союзу. Однако готовность Москвы выполнить просьбу Китая о помощи сдерживалась проблемами, связанными с доставкой грузов. Морское побережье Китая было блокировано японским военно-морским флотом, а возможные пути доставки сухопутным транспортом, в частности через Синьцзян, сдерживались отсутствием современных дорог. Поэтому китайское руководство обратилось к Советскому Союзу с просьбой о помощи в создании транспортной артерии через Синьцзян. Правительство СССР ответило согласием¹³, и уже в октябре 1937 г. китайские рабочие под

¹³ Необходимо учитывать, что такая трасса позволяла СССР не только (и, возможно, не столько) оказывать помощь армии Чан Кайши, но и снабжать оружием районы Северного Китая, контролировавшиеся КПК — с осени 1935 г., после т.н. Великого похода, главная база китайских коммунистов переместилась в северную Шэньси.

руководством советских специалистов начали прокладку 2925 км автомобильной трассы по маршруту Сары-Озек — Урумчи — Ланьчжоу. Трасса начиналась от станции Сары-Озек в Казахстане, затем проходила по территории СССР до пограничного пункта с Синьцзяном — посёлка Хоргос (230 км), шла по территории Синьцзяна (1530 км) и далее по территории провинции Ганьсу до конечного пункта автомобильной трассы — Ланьчжоу (1165 км). На строительстве трассы в крайне тяжёлых климатических условиях трудились несколько тысяч советских граждан. К середине ноября 1937 г. строительство трассы было в основном завершено, по ней началось регулярное движение советских автомобильных колонн, перевозивших столь необходимую китайскому народу военную помощь. Путь от Сары-Озека до Ланьчжоу занимал 18,5 суток.

1 марта 1938 г. в Москве было подписано «Соглашение между правительствами Союза Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой о реализации кредита на 50 миллионов американских долларов». Транспортировка большей части товарооборота, предусмотренного соответствующими контрактами при заключении кредитных соглашений, должна была осуществляться через Синьцзян.

В первый период выполнения соглашений основная часть советского контингента в Синьцзяне была занята обеспечением бесперебойной деятельности и охраной трассы Сары-Озек — Ланьчжоу, которая обозначалась в секретных документах как «трасса „Z“». Для этого была создана особая войсковая часть, в распоряжении которой находилось 750 грузовых автомобилей. Вдоль всей трассы были организованы 20 пунктов ночёвок, питания и заправки машин, из которых 18 располагались на китайской территории. Для охраны трассы в Синьцзян была переброшена также специально сформированная бригада, в составе кавалерийского полка с приданными танками, автобатальоном, сапёрами и связистами. Кроме того, бригаду поддерживала расположенная рядом авиачасть. Военнослужащие бригады были экипированы в форму китайской армии и должны были обращаться друг к другу так, как это делали бывшие белогвардейцы, находящиеся на службе у китайцев. Деятельность трассы «Z» обеспечивала бесперебойную доставку воюющему Китаю огромного количества грузов. Так, только в 1937–1938 гг. по трассе было перевезено 10965 тонн различного вида вооружений, в том числе сотни самолётов, артиллерийских орудий, тысячи единиц другой боевой техники и военного имущества. И всё-таки трасса не справлялась с тем объёмом грузов, который необходимо было доставить в Китай. Сложности маршрута, несовершенство техники, отсутствие хорошей ремонтной

базы усложняли её работу. Постоянной проблемой являлась доставка необходимого для работы автомобилей горючего, которое до середины 1939 г. почти целиком доставлялось из Советского Союза. Между тем, чтобы доставить по трассе 3 тонны груза, автомобилю ЗИС-6 требовалось 3 тонны бензина. К тому же, большегабаритные грузы, такие как тяжёлые бомбардировщики, автотранспортом доставить было невозможно. Поэтому и Китай, и Советский Союз искали другие возможности для расширения транспортных связей. Со 2 ноября 1938 г. между Китайской Республикой и СССР начались переговоры о создании совместной авиакомпания для осуществления перевозок по линии Алма-Ата — Комул. Переговоры завершились 9 сентября 1939 г. подписанием соглашения «Между главным управлением гражданского воздушного флота Союза Советских Социалистических Республик и министерством коммуникаций национального правительства Китайской Республики об установлении регулярного воздушного сообщения между Алма-Ата — Хами».

Однако всё более ухудшающееся положение китайской армии, отступление которой приводило к потере даже тех небольших промышленных районов, которыми обладала страна, и затяжной характер войны требовали от китайского правительства принятия срочных мер по наращиванию поставок необходимого снаряжения и оружия действующим войскам. Отрицательно на действиях китайской армии сказывалась нехватка авиации и лётчиков, недостаток горючего для всех видов боевой техники. Советские лётчики не могли справиться с возрастающим объёмом работы. Доставка готовых самолётов и горючего из СССР вследствие больших расстояний по-прежнему требовала много времени и огромных материальных затрат. Исходя из этого, китайское правительство предпринимало меры для того, чтобы максимально приблизить и удешевить производство и доставку всех расходуемых материалов и техники для армии. По просьбе китайской стороны советские геологи в 1937–1938 гг. произвели на территории Синьцзяна геологоразведочные работы, направленные на поиск месторождений нефти. В 1938 г. заказчику были переданы документы об обнаружении большого месторождения в районе г. Шихэцзы 石河子. В августе 1938 года между комиссариатом нефтяной промышленности СССР и правительством Синьцзяна было подписано соглашение о разработке открытого месторождения нефти и о строительстве нефтеперерабатывающего завода, для чего было создано смешанное советско-синьцзянское общество «Синьцзяннефть» с равным долевым участием с каждой стороны. К концу июня 1940 г. строительство завода, рассчитанного на переработку ежегодно 50 тыс. тонн нефти, было закончено.

В июле 1938 г. посол Китайской Республики в Москве Ян Цзе 楊杰 (1889–1949) от имени своего правительства обратился к советскому руководству с просьбой построить в Синьцзяне авиасборочный завод, который смог бы выпускать истребители И–15 и И–16. Советское правительство сочло возможным пойти навстречу просьбе Китая, и 11 августа 1939 г. между наркоматом авиационной промышленности СССР и представителями Китайской Республики было подписано соглашение о строительстве самолётосборочного завода на территории провинции Синьцзян в 40 километрах от Урумчи. В целях конспирации в официальных документах этот завод назывался «заводом сельскохозяйственных орудий». Строительство завода шло ударными темпами, и уже 1 октября 1940 г. началась его частичная эксплуатация, к моменту завершения работ (5 июня 1942 г.) его производительность возросла до 450 самолётов в год, хотя проектная мощность предусматривала производство только 300 самолётов. При этом, кроме собственно авиасборочного завода, в его окрестностях были построены подсобные предприятия (кирпичные, железобетонные и пр.), электростанция, школа, больница, жилой посёлок, пищевые предприятия, животноводческая ферма и другие сооружения. Надо отметить, что в это же время в различных округах Синьцзяна продолжалось строительство сотен других объектов, возводимых с помощью и на средства Советского Союза.

С середины 1938 г., после отъезда немецкой военной миссии, единственной страной, оказывавшей Китаю помощь в войне, остался Советский Союз. В армии Китая остро не хватало подготовленных военных специалистов: общевойсковых командиров, танкистов и особенно лётчиков. На территории Синьцзяна авиашкола, по просьбе провинциального правительства, была создана ещё в 1935 г., сразу после подавления восстания мусульманских народов. Однако авиашкола в провинции была очень невелика по численному составу и предназначалась для удовлетворения потребностей исключительно провинциальной авиации. С началом японо-китайской войны встал вопрос о создании крупного учебного заведения, в связи с этим в августе 1939 г. между Советским Союзом и Китайской Республикой было «заключено джентльменское соглашение» о приглашении «советских инструкторов в Кульджинскую авиационную школу»¹⁴. По этому соглашению школа обеспечивалась не только советским преподавательским составом, но и всей необходимой материальной базой. Авиашкола в Кульдже работала до 1942 г. и подготовила

¹⁴ АВП РФ. Ф. 100-в. Оп. 41-а. П. 164. Д. 6. Л. 156.

несколько сот лётчиков и авиатехников, существенно восполняя потребности китайской армии в этих специалистах.

Чан Кайши и его окружение (равно как и Мао Цзэдун) прилагали серьёзные усилия к тому, чтобы втянуть Советский Союз в прямое столкновение с Японией, рассчитывая таким образом облегчить собственное положение. Однако в Москве этого всеми силами стремились избежать. В условиях разгорающейся войны в Европе война на Дальнем Востоке никак не входила в планы Кремля. Немалую роль сыграло и подписание пакта Молотова-Риббентропа, сблизившее СССР не только с Германией, но и с союзницей Гитлера — Японией. 13 апреля 1941 г. в Москве между Советским Союзом и Японией был подписан Договор о нейтралитете; при этом советское правительство направило в Нанкин ряд телеграмм, в которых подчеркнуло, что курс по Китаю остаётся прежним и СССР продолжит выполнять в рамках существующих соглашений все свои обязательства.

В июне 1941 г. фашистская Германия напала на Советский Союз и добилась в первые месяцы своей агрессии значительных успехов. Военные неудачи советского государства начали постепенно создавать у многих политических деятелей Китая, в том числе и у Чан Кайши, впечатление, что дни Советского Союза сочтены. Кроме того, испытывая значительные сложности в обеспечении необходимым оружием и материальными ресурсами собственной сражающейся армии, советская сторона к началу 1942 г. уже не могла осуществлять поставки оружия Китаю в прежних объёмах. Особенно это касалось бомбардировочной и истребительной авиации, танков, артиллерии и артиллерийских снарядов. Китайское руководство использовало каждую возможность указать на появившиеся сбои в выполнении договорных обязательств советским официальным лицам. Тем не менее, испытывая острую нужду в китайском сырье, прежде всего вольфраме, олове, цинке, никеле Советский Союз в целом выполнял принятые на себя обязательства по советско-китайским соглашениям 1938–1939 гг., продолжая поставки в Китай нужных ему промышленных товаров, причём в отдельных случаях они доставлялись к китайским границам даже быстрее, чем прежде — что, впрочем, кажется не производило на китайское руководство особого впечатления.

Вступление США в войну против Японии 9 декабря 1941 г. достаточно радикально изменило отношение руководства этой страны к вопросу о предоставлении разносторонней помощи Китаю. Если до этого момента Соединённые Штаты ограничивали свою помощь правительству Чан Кайши весьма небольшими кредитами, оговаривая их при этом целым рядом жёстких условий, то теперь

Китай стал получать крупные партии оружия, расходуемых материалов и необходимого оборудования. Эти обстоятельства определили с начала 1942 г. полную переориентацию китайского руководства на Соединённые Штаты Америки и сворачивание всех видов межгосударственного сотрудничества с Советским Союзом.

С 1942 г. вслед за Центральным правительством начинает менять свою позицию в отношении Советского Союза и Шэн Шицай. От прежних заверений в преданности и любви к советской стране генерал достаточно быстро переходит к откровенно враждебным действиям. 5 октября 1942 г. губернатор направил советскому правительству официальную ноту, в которой потребовал отозвать из Синьцзяна в течение 3-х месяцев всех советских преподавателей, советников, медработников, технических специалистов, а также вывести с территории провинции дислоцировавшиеся там части Красной Армии. Попытки советских дипломатов найти компромиссные варианты с руководством провинции положительных результатов не дали. Более того, месяцем позже последовал указ губернатора, запрещавший населению провинции продавать советским специалистам продукты питания, любого вида товары, посещать советские лечебные заведения и даже просто общаться с советскими гражданами.

В начале 1943 г. была предпринята очевидно одна из последних попыток советской стороны нормализовать отношения с Шэн Шицаем. При возвращении из Москвы в Чунцин в Урумчи побывал посол СССР в Китае А.С. Панюшкин (1905–1974). По его словам, он в присутствии генконсула СССР в Урумчи Г.М. Пушкина (1909–1963) в течение продолжительной беседы с Шэн Шицаем пытался убедить последнего в пагубности избранной политической линии в отношении советского государства как для провинции, так и для Китая в целом. Однако эта беседа оказалась безрезультатной. Вскоре после встречи с советскими дипломатами и несмотря на очередные заверения в искреннем дружелюбии к СССР «член ВКП(б)» Шэн Шицай потребовал ускорить отзыв специалистов и эвакуацию советского оборудования с территории провинции. Демонтаж и эвакуация советских предприятий стали проводиться ускоренными темпами, и к середине 1943 г. осталась только одна нормально действующая совместная компания «Хами-Ата», обеспечивавшая бесперебойную работу авиалинии между Алма-Атой и Чунцином. Осенью 1943 г. по приказу Шэн Шицай были преданы смерти несколько китайских коммунистов, находившихся в Синьцзяне и отвечавших за поставки советской помощи китайской красной армии — в их числе брат Мао Цзэдуна Мао Цзэминь 毛澤民 (1896–1943).

Разрыв Шэн Шица с СССР совпал с активным проникновением в Синьцзян Соединённых Штатов Америки. В апреле 1943 г. в Урумчи было открыто генеральное консульство США, вслед за этим американцы начали строительство некоторых военных объектов в районах Комула, Урумчи, Кульджи, Кашгара. О серьёзном отношении к проблеме Синьцзяна у руководства США говорит и тот факт, что в июне 1943 г. здесь, пролётом из Москвы в Чунцин на встречу с Чан Кайши, на 2 дня останавливался для ознакомления с ситуацией вице-президент Соединённых Штатов Г. Уоллес. Уоллес был сторонником максимальной стабилизации отношений между СССР и Китаем — их трения могли самым пагубным образом сказаться на антигитлеровской коалиции, поэтому в разговоре с Чан Кайши он указал китайскому президенту, что, по его мнению, фигура Шэн Шица является важным препятствием на пути налаживания советско-китайского сотрудничества, которое непременно должно быть восстановлено. Однако Чан Кайши не прислушался к его советам — ведь, помимо прочего, благодаря потере Шэн Шицаем поддержки Москвы, Чунцин после долгих лет наконец устанавливал реальный контроль над Синьцзяном. В июне 1943 г. в провинцию начался ввод подразделений гоминьдановской армии, общая численность которых здесь уже к концу 1943 г. достигла 100 тыс. человек.

Летом 1944 г. ситуация на фронтах Второй мировой войны изменилась, Шэн Шицай написал Сталину покаянное письмо, в котором просил возобновить советскую помощь и предлагал включить Синьцзян в состав СССР. Сталин переслал письмо Чан Кайши, и в итоге в сентябре 1944 г. Шэн Шицай был отстранён от власти и с огромными богатствами, накопленными за время управления Синьцзяном, выехал в Китай.

Измена Шэн Шица вынудила СССР резко пересмотреть своё отношение к борцам за независимость Синьцзяна¹⁵. В ноябре 1944 года в трёх северных округах Синьцзяна — Илийском, Тарбагатайском и Алтайском, населённых преимущественно казахами, киргизами, уйгурами, монголами и дунганями, вспыхнуло мощное национально-освободительное восстание. Немаловажной причиной оно было крайняя зависимость населения этих приграничных округов от торговли с СССР, свёрнутой в 1942 г.

¹⁵ Немаловажно учитывать, что в это момент к прочим интересам СССР в регионе добавился новый — в Синьцзяне были разведаны крупнейшие запасы урана и других редких полезных ископаемых, крайне необходимых для советского атомного проекта.

Восстание началось в конце октября 1944 г., после того, как власти Синьцзяна издали указ о реквизиции у населения провинции 10 тысяч лошадей на военные нужды. Поскольку этот указ затрагивал прежде всего интересы кочевников-скотоводов, недовольство, стихийно переросшее в восстание, охватило районы кочевий в Илийском округе, в частности Нилхинский уезд. В начале ноября созданный несколько ранее подпольный революционный комитет поднял восстание в столице Илийского округа г. Кульдже, а 15 ноября, после завершения в городе последних уличных боёв, объединённым штабом восстания было провозглашено создание Временного правительства Восточно-Туркестанской республики (ВТР) во главе с Президентом — имамом кульджинской соборной мечети, узбеком Алиханом Тюре (1884–1976); важную роль в правительстве играл уйгур Эхметжан Касыми (Касымов) (1914–1949) — член ВКП(б) и выпускник Коммунистического университета трудящихся Востока. В состав правительства также входило несколько русских белоэмигрантов (также игравших важную роль в армии ВТР). Новая республика декларировала изгнание китайцев (многие из них, особенно связанные с Гоминьданом и Шэн Шицаем, были убиты) и ориентацию на СССР. При участии советских офицеров началось формирование армии. К марту 1945 г. Илийский округ был очищен от китайских войск. К осени 1945 г. подразделения Национально-освободительной армии ВТР, в которую ещё в апреле были сведены все отряды повстанцев Илийского округа, во взаимодействии с партизанскими отрядами Тарбагатай и Алтая очистили от гоминьдановских войск эти округа и стали реально угрожать столице провинции Урумчи. Положение китайских властей в Синьцзяне стало критическим.

Ставшие в последние годы доступными для исследователей документы позволяют сделать вывод, что восстание коренных народов Синьцзяна в трёх революционных округах нашло всестороннюю поддержку со стороны Советского Союза. Советское руководство не только оказывало восставшим материальную, военно-техническую и инструкторскую помощь, но в значительной степени влияло на деятельность правительства ВТР.

Нет сомнения в том, что успешное развитие наступления национально-освободительной армии ВТР, поддержанное в разных районах Синьцзяна новыми вспышками восстаний, вполне могло привести к падению гоминьдановского правительства в провинции. Однако в конце июля — начале августа 1945 г. Советский Союз приостановил поставки оружия и боеприпасов армии ВТР, отозвал из её подразделений большую часть инструкторского состава. Одновременно советское руководство стало настаивать на том, чтобы

правительство Восточно-Туркестанской республики вступило в переговоры с провинциальными властями Синьцзяна. Столь резкое изменение политической линии в отношении происходящих в провинции событий было связано с несколькими обстоятельствами. Во-первых, Советский Союз 8 августа 1945 г. вступил в войну против Японии; во-вторых, 14 августа того же года подписал с Китаем «Договор о дружбе и союзе», и наконец в-третьих, в день подписания этого договора советская сторона вручила министру иностранных дел Китая специальную ноту «Об оказании помощи Центральному правительству Китая, о суверенитете Китая над Тремя Восточными Провинциями (Маньчжурией) и о событиях в Синьцзяне», в которой СССР декларировал отсутствие намерений вмешательства во внутренние дела Китая. Вышеизложенные обстоятельства делали нежелательными продолжение активных боевых действий армии ВТР на территории Синьцзяна и ставили под вопрос целесообразность всесторонней поддержки самой Восточно-Туркестанской республики. В связи с этим 14 сентября 1945 г. на имя Сталина был подан проект постановления ЦК ВКП(б) «О положении в Синьцзяне», подготовленный А.Я. Вышинским (1883–1954) и Л.П. Берией (1889–1953). В нём предлагалось заявить китайскому правительству о готовности советского руководства, заинтересованного в установлении порядка на своей границе, оказать провинциальным властям «возможное содействие... в урегулировании создавшегося в Синьцзяне положения на основе предоставления мусульманам... автономии». Кроме того, проект постановления предусматривал «Рекомендовать повстанцам... на время переговоров (с провинциальным правительством. — В.Б.), если таковые состоятся, активные действия своих вооружённых сил приостановить»¹⁶. 12 октября 1945 г. в Урумчи начались переговоры между делегацией ВТР и провинциальным правительством, было объявлено перемирие. С началом этих переговоров активная фаза повстанческого движения в трёх северных округах Синьцзяна была завершена.

В январе 1946 г. в Урумчи было подписано соглашение о совместном управлении Синьцзяном, 6 июня состоялось подписание его окончательного варианта. В соглашении декларировались гражданские свободы всем национальностям, проживавшим в Синьцзяне, свобода вероисповедания, а также равноправие и равенство перед законом. Но в тексте ни слова не говорилось об автономии для мусульманского населения провинции. В соответствии с соглашением

¹⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9401 с/ч («Особая папка» И.В. Сталина). Оп. 2. Д. 66. Л. 7.

правительство ВТР распускалось, а сама Восточно-Туркестанская республика прекращала своё существование — должно было быть создано коалиционное правительство. При этом китайское население, которое составляло лишь 5% от общей численности населения провинции, должно было быть представлено 10 членами правительства (из 25), а 95% коренного населения — 15. Губернатором провинции также мог быть только китаец. 28 июня 1946 г. правительство ВТР в соответствии с требованиями мирного соглашения передало свои полномочия вновь организованному провинциальному правительству; выступавший против подписания соглашения Алихан-Тюре и несколько его соратников были вывезены в СССР, его сменил подписавший соглашение в Урумчи Эхметжан Касыми.

В августе 1947 г. представители ВТР вышли из коалиционного правительства и покинули Урумчи. Попытки Нанкина расколоть руководство восставших не привели к значительным результатам — ВТР сумела сохранить контроль почти над всеми территориями. В свою очередь, Чан Кайши пытался добиться увеличения популярности правительства провинции, в июне 1947 г. назначив его главой известного борца за независимость Синьцзяна Масуда Сабри (1886–1952); в правительство вошли многие видные деятели антикитайского сопротивления 30-х гг. Однако было уже слишком поздно — войска Чан Кайши повсеместно терпели поражения от НОАК.

Летом 1949 г. Синьцзян был отрезан от территорий, ещё контролировавшихся армией Чан Кайши¹⁷. В сентябре 1949 г. назначенный Чан Кайши губернатор Синьцзяна, казанский татарин Бурхан Шахиди (Шагидуллин) (1894–1989) провозгласил свою верность КПК. Под давлением СССР лидеры ВТР были вынуждены согласиться на переговоры о вхождении ВТР в состав КНР. 24 августа члены правительства ВТР во главе с Касими вылетели из Алма-Аты в Пекин. При не до конца выясненных обстоятельствах в районе Байкала самолёт потерпел крушение, и все пассажиры погибли. Некоторые свидетельства говорят в пользу того, что на самом деле лидеры ВТР были вывезены в Москву (по другим свидетельствам — в Иркутск) и расстреляны. Впрочем, никакие документы, подтверждающие эту версию, науке неизвестны. В Пекин вылетела вторая делегация во главе с министром образования ВТР Сайфутдином Азизи (Азизовым) (1915–2003), которая согласилась на вхождение ВТР в состав КНР. Армия ВТР вошла в состав НОАК. Многие лидеры ВТР, армейские офицеры и простые граждане эмигрировали в СССР.

¹⁷ Едва ли не дольше всех сопротивлялись части Юлбарс-хана. После разгрома (в 1951 г.) он бежал в Индию через Тибет, затем прибыл на Тайвань и вплоть до своей смерти именовался губернатором Синьцзяна.

1 октября 1955 г. провинция Синьцзян была заменена Синьцзян-Уйгурским автономным районом, который возглавил Сайфутдин Азизи. Китайское правительство направляло в Синьцзян, особенно в его менее населённые северные области, значительное количество переселенцев, преимущественно ханьцев. Доля уйгуров в населении Синьцзяна сократилась с 73% в 1955 г. до 43,3% в 2010 г. Сохраняя перевес в оазисах юга Синьцзяна, уйгуры довольно малочисленны на севере и составляют всего 13% населения столицы автономного района — Урумчи.

После ухудшения советско-китайских отношений в начале 60-х гг. Синьцзян стал одной из важных арен противоборства. 16 октября 1964 г. в районе оз. Лобнор в восточном Синьцзяне была испытана китайская атомная бомба. Вдоль советской границы выросли многочисленные военные поселения, сама граница была усилена, во многом с целью борьбы с оттоком населения из Синьцзяна в СССР. Во время советского вторжения в Афганистан в районах Кашгара и Хотана правительство КНР организовало лагеря подготовки для афганских моджахедов, помогало им оружием и снаряжением. В свою очередь, СССР поддерживал уйгурское движение за независимость Синьцзяна, из Ташкента велось вещание уйгурского радио, обличавшего власти КНР и их национальную политику.

Экономические реформы в КНР несколько улучшили экономическое положение населения, но прежде всего сказались на китайской общине. Уровень жизни уйгуров не только значительно ниже среднего уровня по КНР, но и сильно уступает уровню жизни ханьцев, живущих в Синьцзяне. Жёсткость национальной политики КНР, отстранение уйгуров от реальной власти в собственных землях, продолжающаяся политика китаизации Синьцзяна вызывали и вызывают отторжение и неприятие у значительной части жителей региона. Значительное влияние на ситуацию имеет уйгурская диаспора (за пределами Китая проживает около 0,5 из 11 млн. уйгуров): многие из эмигрантов занимают крайне активную антикитайскую позицию. В 1992 г. в Стамбуле был основан Национальный конгресс Восточного Туркестана, в 2004 г. преобразованный в Всемирный уйгурский конгресс, объединивший все организации уйгурской диаспоры. С 2006 г. во главе конгресса стоит крупный бизнесмен и общественный деятель Рабия Кадир (р. 1947). В последние годы влияние диаспоры в Синьцзяне падает — среди уйгурской молодёжи всё большую популярность приобретает радикальный ислам, джихадистские идеи (большую роль играет крайне радикальное Исламское движение Восточного Туркестана). На совести уйгурских террористов множество терактов, осуществлённых не только на

территории Синьцзяна, но и в других частях КНР (в том числе в Пекине). Нередки случаи массовых антикитайских выступлений, жёстко подавляемых китайской армией. Всё это делает Синьцзян одним из самых нестабильных и проблемных регионов КНР.

Литература

1. Бармин В.А. Советский Союз и Синьцзян, 1918–1941 гг. (региональный фактор во внешней политике Советского Союза). Барнаул, 1998.
2. Бармин В.А. Синьцзян в советско-китайских отношениях, 1941–1949 гг. Барнаул, 1999.
3. Боровкова Л.А. Царства «Западного края». М., 2001.
4. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории / Ред. С.Л. Тихвинский, Б.А. Литвинский. М., 1988.
5. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, язык, религия / Ред. Б.А. Литвинский. М., 1992.
6. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Хозяйство, материальная культура / Ред. Б.А. Литвинский. М., 1995.
7. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Архитектура, искусство, костюм / Ред. Б.А. Литвинский. М., 2000.
8. Землеведение К. Риттера. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией. Восточный или Китайский Туркестан / Перевёл, с присовокуплением критических примечаний, и дополнил по источникам, изданным в течение последних тридцати лет, В.В. Григорьев. СПб., 1869.
9. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства 1635–1758. М.: Наука, 1983.
10. Зотов О.В. Китай и Восточный Туркестан в XV–XVIII вв.: Межгосударственные отношения. М., 1991.
11. Китинов Б.У. Священный Тибет и воинственная степь. М., 2004.
12. Кучера С. Ранняя история Синьцзяна: неолит — начало века металла // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи / Ред. Б.А. Литвинский. М., 1984.
13. Моисеев С.В. Взаимоотношения России и уйгурского государства Йэтишар в 1864–1877 гг. Барнаул, 2006.
14. Моисеев В. А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. — 1917 г.). Барнаул, 2006.
15. Пещеры тысячи будд. Российские экспедиции на Шёлковом пути: К 190-летию Азиатского музея: каталог выставки / Науч. ред. О.П. Деушанде. СПб, 2008.
16. Фесенко П.И. История Синь-Цзяна. М., 1935.
17. Худяков Ю.С., Комиссаров С.А. Кочевая цивилизация Восточного Туркестана. Новосибирск, 2002.
18. 田卫疆, 伊第利斯·阿不都热苏勒. 中國: 新疆通史 / (Тянь Вэйцзян, Идрис Абдурашул. Китай: Всеобщая история Синьцзяна). Урумчи, 2009.

19. 新疆考古三十年 (Тридцать лет археологии Синьцзяна). Урумчи, 1983.
20. *Forbes A.D.W.* Warlords and Muslims in Chinese Central Asia: a political history of Republican Sinkiang 1911–1949. Cambridge, 1986.
21. History of civilizations of Central Asia. Paris, 1992–2005. Vol. I–VI.
22. *Light N.* Annotated Bibliography of the History and Culture of Eastern Turkistan, Jungharia/ Zungaria/ Dzungaria, Chinese Central Asia, and Sinkiang/ Xinjiang (for the 16th–20th centuries CE, excluding most travel narratives) // The Silk Road. Vol. 3, № 1 (June 2005). P. 28–49.
23. *Mallory J.P., Mair V.H.* The Tarim Mummies: Ancient China and the Mystery of the Earliest Peoples from the West. L., 2000.
24. *Millward J.A.* Eurasian Crossroads: A History of Xinjiang. NY., 2007.

Valerij A. Barmin,
Sergey V. Dmitriev,
 with participation of ***Vasilij G. Shmatov****

Xinjiang. An outline of history

ABSTRACT: This paper is intended to give a short and clear version of the history of Eastern Turkestan — a region which flourished in the past but unfortunately isn't very popular between scholars. Authors hope that this outline could be useful for any reader who wants to see the general view of Xinjiang history.

KEYWORDS: Xinjiang, Central Asia, Uyghurs, Turkestan.

* **Valery A. Barmin**, Dr. hab. (History), head of the World History Chair, Altay State Pedagogical University, Barnaul; **Sergey V. Dmitriev**, PhD (History), senior researcher, China department, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; **Vasily G. Shmatov**, teacher, Altay College of Industrial Technologies and Business.